

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Л.П. Муромцева

ЗАРУБЕЖНЫЕ АРХИВЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

**Муромцева Людмила Петровна – кандидат исторических наук,
доцент МГУ.**

В историко-культурной деятельности российской эмиграции одно из центральных мест занимает создание архивных учреждений, собирающих и хранящих материалы дореволюционного и эмигрантского исторического наследия. В процессе исхода из России белых армий и гражданских беженцев за границу были вывезены, несмотря на трудности эвакуации, текущие архивы антибольшевистских военных и административных структур, а также некоторые личные и семейные архивы. Документы множества возникших за рубежом общественных комитетов, офицерских обществ, творческих союзов и других организаций, которые вели протоколы собраний, переписку, составляли планы и отчеты о своей деятельности, послужили основой для формирования новых архивных комплексов. Так, в крупных эмигрантских объединениях, например в Земгоре, Русском Обще-Воинском союзе (РОВС), Объединении русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), существовал постоянный документооборот, многие организации вели журналы входящей и исходящей корреспонденции, формировали личные дела сотрудников. В эмигрантских научных и образовательных центрах, издательствах и редакциях журналов, правлениях офицерских обществ сохранялась не только текущая документация, но и рукописи статей, книг, мемуаров, тексты докладов и лекций. Такие организации, как Комитет «Дня русской культуры» в Праге, «Союз русских писателей и журналистов в Югославии», «Каюта-компания» в Сан-Франциско, осуществляли целенаправленный сбор документальных материалов исторического и литературного характера.

В российском зарубежье формируются и многочисленные архивы частных лиц и семей, включавших черновики научных работ и художественных произведений, дневниковые записи, воспоминания, письма, фотографии,

вырезки из газет и журналов. Развивалось и частное коллекционирование документальных материалов.

Культурное и научно-информационное значение архивного дела прекрасно осознавалось эмигрантской интеллигенцией, включающей видных представителей российской исторической науки, в том числе архивистов, археографов, источниковедов.

В идеологической борьбе с большевистским режимом лидеры российской эмиграции придавали особое значение архивным документам, отражавшим события периода Революции и Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Исторические документы должны были обеспечить в будущем воссоздание объективной картины этой трагической эпохи в отечественной истории, донести до потомков информацию о личностях и жизни российских эмигрантов – политических деятелей, военных, ученых, о судьбе творческой интеллигенции. «Необходимо собрать и сохранить все, что могло бы объяснить грядущим временам наше время, наше прошлое, – писал осенью 1936 г. один из руководителей Русского заграничного исторического архива в Праге Н.Н. Астров. – В революционной стихии мы не только побеждены, но мы и оклеветаны. Нужно накопить, нужно сберечь оправдательные материалы, нужно бороться против распыления материалов об ушедшей эпохе»¹. С постепенным осознанием эмигрантами постоянства их пребывания за границей, была выдвинута идея создания общего архива всей русской эмиграции.

До Второй мировой войны российская эмиграция успела организовать несколько крупных общественных архивов (не считая документальных собраний организаций, которые находились в процессе комплектования, а также частных и семейных коллекций документов). В начале 1930-х годов историк и архивист Болеслав Ричардович Брежго, проживавший с 1925 г. в Латвии, опубликовал обзор музеев и архивов российского зарубежья, где, в частности, отмечал: «Архивными материалами русская эмиграция значительно богаче, чем музейными предметами. Поэтому-то за рубежом и встречаем крупные и богатые по содержанию русские архивы. Известны десять более или менее значительных русских архивохранилищ, из коих в Чехословакии – пять, во Франции – четыре и одно в Германии» [1, с. 7].

Наиболее благоприятные условия для развития архивного строительства в рамках российской диаспоры в 1920-е годы сложились в Праге. Именно здесь работала группа видных российских историков (Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, В.А. Мясотин, А.В. Флоровский), научная работа которых была немислима без библиотек и архивов. Многие ученые привезли с собой

¹ ГАРФ Ф.Р-5791. Он. 1. Д. 36. Л. 16.

архивные материалы, находившиеся в их личных собраниях. Историки, как и представители других профессий эмигрантской интеллигенции, прекрасно понимали, что имеющиеся у них на руках различные документы, записки, дневники в недалеком будущем станут бесценными архивными источниками. Сохранение, изучение и публикация архивных документов противопоставлялись тому «циничному неуважению к своей истории», которое демонстрировала большевистская власть².

Русский Заграничный исторический архив (РЗИА) был создан на основании постановления Комитета Земгора в Чехословакии в феврале 1923 г. Архив изначально поставил перед собой задачу «собирать, сохранять и обрабатывать материалы, относящиеся к положению русской эмиграции за границей, равно и событиям последних лет в России» [2, с. 310–314]. Однако вскоре его собирательские интересы существенно расширились, так как в состав документальных памятников российской истории, находившихся за границей, вошли материалы политической эмиграции XIX – начала XX в. и документы по истории Первой мировой войны и пр.

Примечательно, что в большинстве случаев формирование историко-культурного наследия российского зарубежья происходило вследствие настойчивости и энтузиазма общественно активных кругов эмигрантской интеллигенции. Так, РЗИА, например, начинался практически с нуля. В момент назначения первого заведующего архивом В.Я. Гуревича «весь наличный материал Архива русской эмиграции ограничивался одним комплектом и несколькими разрозненными экземплярами старых газет, несколькими случайными книгами из мемуарной литературы последнего времени, а также несколькими текущими периодическими изданиями, выписанными библиотекой за деньги»³. Однако последующая деятельность организаторов архива по сбору информации о наличии историко-документальных собраний, многочисленные объявления в прессе, публикация статей с разъяснением значимости сбора архивных материалов для зарубежной России, обращение за поддержкой к крупным эмигрантским организациям, правительственным и научным структурам Чехословакии дали свой результат. Уже первые годы работы РЗИА «обнаружили жизненный успех этого учреждения и мировое значение его фондов»⁴. На 1 января 1931 г. в собрании архива числилось 650 наименований рукописей, около 852 тыс. листов документальных мате-

2. Струев П.Б. *Клич освобождения. Реакция под личиной революции // Россия и славыанство. – Париж, 1932. – 1 декабря.*

3. ГАРФ Ф.Р-5764. Оп. 1. Д. 108. Л. 4.

4. ГАРФ Ф.Р-7030. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

риалов, более 45 500 номеров журналов и 3 644 862 номера газет, а также библиотека⁵.

И, хотя документальное наследие российской эмиграции изучено не полностью и далеко не исчерпывается собранием РЗИА, его структура и содержание таковы, что позволили исследователям в 1990–2000-е годы сформировать достаточно объективные общие представления о феномене зарубежной России 1920–1940-х годов.

Комплектование РЗИА носило организованный характер и осуществлялось через представителей архивов, работавших к концу 1920-х годов в Германии, Швейцарии, Югославии, Англии, Норвегии, Италии, Польше, Румынии, Турции, Болгарии, Эстонии, Латвии, Литве, Финляндии, Китае, США. Архив обращался к держателям ценных документальных собраний с письмами, которые начинались обычно так: «В Праге при участии ряда выдающихся деятелей русской исторической науки организован центральный архив русской эмиграции, имеющий целью собрать, сохранить и обработать те весьма ценные материалы, относящиеся как к событиям последних лет, так и к прежней эмиграции дореволюционного времени, которые могут оказаться у проживающих за границей русских граждан...»⁶.

В 1930-е годы архив продолжал пополняться фондами эмигрантских организаций; в 1938 г. архив имел 1500 корреспондентов в 44 странах. Только в 1934 г. архивом было получено 2719 посылок с документами и печатными изданиями⁷. Большинство деятелей русской эмиграции считали за честь сдавать свои личные материалы в Русский Заграничный исторический архив. Так, генерал Деникин передал в РЗИА весь архив главнокомандующего Добровольческой армией, который занимал не менее 50 ящиков, с условием открытия материалов только после его смерти⁸.

Принципы деятельности архива определялись, прежде всего, идеей историко-культурной миссии эмиграции⁹. Руководство РЗИА демонстрировало широкий научный подход к тематике собираемого материала, его исторической значимости, комплектуя фонды независимо от идейно-политических взглядов и направления деятельности фондообразователей [5, с. 419]. При этом создателями архива было сформулировано принципиальное условие возвращения на родину собранного эмиграцией российского историко-документального наследия: «только лишь по прекращению коммунистиче-

5. ГАРФ Ф.Р-7030. Он. 1. Д. 42. Л. 3.

6. ГАРФ Ф.Р-5785. Он. 1. Д. 8. Л. 23.

7. ГАРФ Ф.Р-7030. Он. 1. Д. 21. Л. 12.

8. Там же. – Л. 9.

9. ГАРФ Ф.Р-5971. Он. 1. Д. 36. Л. 16.

ской диктатуры и при установлении режима, обеспечивающего правовой порядок»¹⁰.

Обращения РЗИА к эмигрантской общественности, различные инициативы его представителей в разных странах мира оказывали стимулирующее воздействие на процесс сохранения историко-культурного наследия российскими зарубежными организациями и частными лицами. Кроме того, возможность передачи документов в РЗИА во многих случаях спасала эти материалы от гибели в условиях социальной нестабильности, когда не было средств к существованию, постоянного жилья и возникала необходимость переезда в другие страны. Так, в начале 1930-х годов в РЗИА из Германии поступили фонды российских эмигрантских организаций, прекративших свое существование. Руководством РЗИА были выработаны научные принципы комплектования, учета и описания документальных материалов, предусматривавшие экспертизу ценности поступлений, их классификацию, распределение по тематическим группам, каталогизацию, составление описей [19, с. 6–8]. Авторитет РЗИА обусловил возможность планового комплектования его фондов материалами эмигрантских воинских обществ и союзов, которые передавались архиву на основании приказа председателя РОВС генерала П.Н. Миллера от 10 июня 1930 г. Фактически для военной эмиграции РЗИА должен был выполнять роль государственного архивохранилища в зарубежной России. Историко-документальные коллекции в 1920-е годы создавались большинством офицерских обществ и союзов российского зарубежья. Лидер российской военной эмиграции в 1920-е годы генерал Врангель отводил важную роль сохранению исторической памяти о событиях Гражданской войны в России, отечественной военной истории в целом и идеологии «белого дела» [4, с. 34]. Уже в период пребывания Русской армии в Галлиполи начался достаточно массовый сбор материала по истории отдельных воинских частей и подразделений. Например, в дневнике капитана 7-й гаубичной батареи Дроздовской артиллерийской дивизии Н. Ребикова содержится следующая запись: «14–20 февраля 1921 г. в Галлиполи. Обычные занятия. Подготовка к батарейному празднику. Сбор материалов к составлению историй бригады» [13, с. 198]. Эта традиция получила широкое распространение во всех центрах размещения российских военных эмигрантов, причем, помимо полковых обществ и союзов, возникали объединения военных, организованные по мемориальному типу (наиболее массовые из них – Общества первоходников и галлиполийцев), которые собирали, изучали и публиковали документы и мемуарные источники, связанные со значимыми для них событиями военной истории. 14 ноября 1927 г. в Праге было основано «Общество участ-

10. ГАРФ Ф.Р-7030. Оп. 1. Д. 42. Л. 4.

ников Волжского движения 1918 года», которое поставило своей целью издание работ и сбор материалов по истории Волжского движения. Многие представители российской военной эмиграции в 1920–1950-е годы в США, Европе и на Дальнем Востоке осуществляли сбор архивных материалов в индивидуальном порядке. Так, во время поездок журналиста К.К. Парчевского по французской глубинке в 1930-е годы один казак показал ему «коллекцию вырезок, составленную за 15 лет из эмигрантских газет» [10, с. 144]. Значительная часть подобных документальных собраний, особенно создававшихся в рамках деятельности офицерских обществ и союзов в Чехословакии и Югославии, была передана на хранение в РЗИА.

С 31 марта 1928 г. РЗИА поступил в ведение МИД ЧСР, что в определенной степени укрепило положение архива в условиях свертывания «Русской акции». Хотя общественность российской эмиграции воспринимала этот факт как потерю архивом своего лица, следует заметить, что в этот период нигде более российские эмигрантские архивы не были взяты под официальное покровительство иностранного государства. Эта заинтересованность, продемонстрированная руководством ЧСР, так или иначе подчеркивала значение РЗИА в глазах самих эмигрантов и чешского образованного общества.

При этом руководители архива пытались сохранить не только принципы своей деятельности и в частности его комплектования, но и определенную автономию во внутренней жизни архива и собственный штат. Характерно, что аналогичные требования выдвигала и Донская историческая комиссия относительно Донского казачьего архива при его вхождении в состав РЗИА в 1934 г. Однако в этот период влияние российской эмиграции на судьбу обоих архивов было уже чисто номинальным, так как не обеспечивалось в должной степени ни административными, ни финансовыми, ни кадровыми ресурсами. Согласно новому «Положению об архиве», введенному с 1 января 1935 г., была упразднена должность управляющего РЗИА, сокращен штат сотрудников, официальная переписка должна была вестись только на чешском языке. В октябре 1938 г. по распоряжению МИД ЧСР была прекращена закупочная деятельность архива [19, с. 12]. При этом передача в собрание РЗИА фондов российских эмигрантских организаций и личных архивов продолжалась на безвозмездной основе вплоть до 1945 г.

Одним из наиболее ценных и крупных архивных собраний российского зарубежья в межвоенный период стал Донской архив. Следует сказать, что казачество в эмиграции проявляло большую активность в деле сохранения своей культурной самобытности, собирания и распространения знаний об историческом прошлом казачества. Такая задача стояла перед Донским казачьим архивом и Историческими комиссиями Всевеликого войска Донского и Кубанского казачьего войска, целью которых были сбор и публикация материалов и документов, касающихся жизни казаков за рубежом, и истории

Дона и Кубани. Донской казачий архив, формирование которого началось в Новочеркасске в 1917 г., был вывезен командованием Донского казачьего войска сначала в Константинополь, затем в Белград, а в 1925 г. в Прагу, где получил помещение в одном здании с РЗИА, с которым впоследствии объединился. Очевидно, что именно усилия создателей и работников РЗИА и Донского казачьего архива при поддержке чешских специалистов обеспечили формирование и сохранность уникального массива исторических документов. В конце 1930-х годов лидерами эмигрантского казачества выдвигалась идея создания, помимо уже существовавших историко-культурных центров, новых структур, которые собирали бы мемуарные источники и текущую документацию казачьих войск за рубежом. «Пусть каждый казак, не мудрствуя лукаво, сделает хотя бы самые краткие записи о той части, в которой он служил и чему был свидетелем во время Великой войны. Надо помнить: если мы, казаки, ничего не скажем о себе – никто за нас этого не сделает», – заявлял один из казачьих атаманов. «Но мало написать: надо все написанное сохранить до возвращения в родные края. А для этого необходимо создать нечто вроде Войсковых зарубежных архивов, о чем должны позаботиться войсковые атаманы и войсковые представительства (Донской музей в Праге, Кубанский – в Белграде, Лейб-казачий – в Париже, имеющие специальное значение, здесь в счет не идут)» [20, № 240–241]. Для лидеров казачьих военных организаций сохранение своей истории в эмиграции служило оружием в их противостоянии большевистскому режиму. «Надо надеяться: в каждом казачьем объединении, в каждой зарубежной станице найдутся ревнители казачьей истории, которые займутся составлением, сбором и хранением письменных материалов, часть которых будет напечатана в казачьих и общерусских журналах и газетах или выпущена отдельными изданиями, а другая часть – сдана в один из войсковых архивов. С этой целью могут быть образованы, с разрешения войсковых атаманов, – особые комиссии или кружки, а еще лучше – завести особых “архивариусов”. Собирая по крупинкам, можно создать большое дело» [20, 1938, № 240–241]. Реализации этих проектов помешала Вторая мировая война.

В 1939 г. после оккупации Чехословакии фашистской Германией РЗИА (вместе с Донским казачьим архивом) был передан из ведения МИДа в Центральный архив МВД в качестве особого отдела. После 1942 г. руководство РЗИА перешло от доктора Я. Прокеша к представителям оккупационных властей, которые проявляли интерес к документам по военной истории, материалам советского происхождения и казачьим реликвиям; одна часть материалов была выделена для отправки в Германию, другая – оставалась в ведении Архива сухопутных войск Германии в Праге до конца войны.

Кубанский заграничный архив, основанный в 1925 г. Обществом кубанцев в Праге, а затем перешедший в ведение Кубанского Комитета, с 1929 г.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

размещался в одном здании с РЗИА, но, в отличие от Донского архива, сохранил независимость от властей ЧСР. Вместе с историческими реликвиями Кубанского казачества он по большей части был вывезен после окончания Второй мировой войны в США, где вошел в состав Кубанского войскового музея в г. Ховелл (штат Нью-Джерси).

Помимо вышеназванных архивов в Праге в межвоенный период существовали и другие центры исторической документации, находившиеся в ведении эмигрантских общественных организаций. В частности, можно назвать Центральный архив «Дня русской культуры», основанный в 1929 г. при Русском Педагогическом бюро, и Русский Сокольский архив при Секретариате Союза русского посольства в ЧСР. В годы Второй мировой войны оба они вошли в собрание РЗИА, составив отдельные фонды (Ф.Р-5850 и Ф.Р-6035 соответственно).

Следует также упомянуть и действовавшие в Праге в межвоенные годы Украинский народный музей-архив и Белорусский Заграничный архив, которые впоследствии составили так называемый Славянский архив в ЧСР [8, с. 184–189]. В 1990-е годы в рамках научного сотрудничества российских и чешских ученых в исследовательское поле отечественной гуманитарной науки попали архивные коллекции, составлявшие в 1920–1930-е годы архивы русских, украинских и белорусских эмигрантских организаций: Комитета по обеспечению образования русских и украинских студентов и 107 объединений, вошедших в фонд «Русские и украинские эмигрантские общества и организации в Чехословакии». Значительный научный интерес представляют и документы Объединения русских юристов в Праге, Пражского общества русских инженеров и техников, широкий спектр учреждений украинской диаспоры в Праге [7, с. 423]. В Центральном государственном архиве Праги находится на хранении часть материалов делопроизводства РЗИА и составленный его сотрудниками в годы Второй мировой войны предметный каталог документальных материалов, который «представляет собой ценный информационный источник о составе документов РЗИА по отдельным вопросам исторического исследования и является единственным справочником по архивам, оставшимся в Праге» [7, с. 424].

Русские эмигрантские архивы в Западной Европе начали комплектоваться еще в дореволюционное время. Так, во Франции находился «Архив заграничной политической агентуры», содержавший документы Парижского бюро Департамента полиции МВД за 1884–1917 гг. В 1918 г. он был опечатан и вывезен в неизвестное «секретное место» [1, с. 13]. В 1926 г., через два года после признания Францией СССР, прекратила свою работу российская дипломатическая миссия в Париже, и ее руководитель В.А. Маклаков тайно вывез документы посольства и Парижского бюро в Соединенные Штаты, где передал их Стэнфордскому университету. Фонд был помещен на депозитар-
196

ное хранение в опечатанном виде с условием о неразглашении его содержания до истечения трехмесячного срока после кончины бывшего посла, поэтому о существовании архива стало широко известно лишь в 1957 г. До этого он считался уничтоженным Маклаковым еще в Париже [18, с. 310].

Во Франции также размещались Архив русских войск во Франции (1915–1920 гг.), взятый на хранение французским Военным министерством (ныне в составе французского Военного архива – SHAT), и архив Славянской библиотеки, основанной русскими иезуитами в 1855 г. и действующей до настоящего времени в Медоне (пригород Парижа). Сбором документов по истории русского флота занимался Военно-морской исторический кружок в Париже, в 1929 г. получивший материалы Морского законодательного управления Сибири за 1918–1920 гг., и ряд других ценных документов.

В Германии в 1920–1930-е годы продолжал существовать «Русский социал-демократический архив», основанный в начале 1910-х годов князем И.Д. Бебутовым. Благодаря активной собирательской деятельности Б.И. Николаевского, высланного из советской России в 1922 г. вместе с группой руководителей партии меньшевиков, это документальное собрание пополнилось множеством уникальных документов по истории российского революционного движения, а также подлинными рукописями К. Маркса и Ф. Энгельса. По некоторым оценкам, архив «к началу 30-х годов стал крупнейшим архивом русской эмиграции» [6, с. 29]. Примечательно, что Б.И. Николаевский являлся в течение некоторого времени представителем РЗИА в Берлине, а в 1924–1931 гг. собирал за границей документы и печатные издания по истории международного рабочего движения для института К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве.

Последующая судьба Русского архива в Берлине напоминала детективный роман, главным действующим лицом которого оказался Б.И. Николаевский. Из Берлина это уникальное собрание было вывезено в 1933 г. в Париж как официально приобретенное Национальной библиотекой Франции вместе с архивом Германской социал-демократической партии, впоследствии проданным СЕПГ Международному институту социальной истории в Амстердаме (МИСИ). К материалам Русского архива проявляли интерес агенты НКВД во Франции. Накануне депортации в 1936 г. из Норвегии в Мексику Л.Д. Троцкий передал Николаевскому часть своего личного архива. В ночь с 6 на 7 ноября на парижское отделение МИСИ, где хранились бумаги Троцкого, был совершен налет, и часть документов была похищена. 7 ноября агент НКВД Зборовский докладывал в Москву об успешно проведенной операции. Пропавшая часть архива содержала ценнейшие рукописи статей, письма и др. Среди них, в частности, 103 письма Троцкого – его переписка с американским публицистом М. Истменом и его женой Е.В. Крыленко за 1929–1933 гг. [6, с. 30]. Русский архив и библиотека были захвачены вместе с другими

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

культурными ценностями во время оккупации Парижа и впоследствии исчезли (кроме части документов, которые удалось переправить за границу).

Б.И. Николаевский продолжал собирательскую, исследовательскую и публикаторскую работу в США, где занимал пост директора Американского рабочего архива и исследовательского института в Нью-Йорке, а в последние годы жизни – хранителя архива Гуверовского института войны, революции и мира, куда передал собранную им документальную коллекцию [6, с. 30–36].

Современное информационное пространство во многом базируется на многофункциональных комплексных хранилищах исторической памяти – архивах-музеях, библиотеках и др. В свое время в этом же направлении (в значительной степени вынужденно) следовала и российская эмиграция, сосредоточившая в своих хранилищах документальные материалы, книги, мемориальные предметы, произведения искусства. Архивно-исторический музей имелся в структуре Музея русской конницы в Белграде, который собирал разнообразные материалы по истории Гражданской войны и Белого движения, включая фотографии, альбомы, описания боевых действий, дневники, мемуары, полковые песни, стихи, списки георгиевских кавалеров, списки убитых и раненых, открытки и книги [20, 1939, № 228–229, с. 35].

При этом именно сбор архивного материала оказывался наиболее результативным в силу того, что значительная часть его формировалась непосредственно в процессе общественной и научной деятельности эмиграции. 25 сентября 1927 г. в Болгарии было основано общество «Музей и Архив русской зарубежной жизни», которое поставило своей задачей «изучать все, характеризующее русскую зарубежную жизнь, а также принимать меры к сохранению предметов и документов, иллюстрирующих ее» [1, с. 6]. Собирательская деятельность общества в отношении музейных предметов не была особенно успешной, однако в начале 1930-х годов его сотрудниками была сформирована коллекция архивных документов и фотографий, перешедшая затем в ведение «Варненского Археологического общества». Примером комплексного подхода к собиранию историко-культурных материалов стали Русский культурно-исторический музей в Праге, Музей и архив Общества «Родина», коллекции Музея русской культуры в Сан-Франциско, Музей Кубанского казачьего войска и др., которые имели в своем составе архивные отделы. После утраты российской эмиграцией РЗИА, вывезенного в СССР, и одновременно – окончательного краха надежд на падение режима большевиков и возвращение на Родину, создание центров музейно-архивного строительства в США было воспринято с энтузиазмом российскими эмигрантами по всему миру. Так, Музею русской культуры в Сан-Франциско в 1948–1952 гг. было передано свыше 30 архивов частных лиц и учреждений.

Таким образом, в зарубежной России в 1920–1940-е годы сложились центры архивного дела, развитие которых было обусловлено, прежде всего,

стремлением российской эмиграции к сохранению отечественного историко-документального наследия за рубежом. Представители российской эмигрантской интеллигенции послереволюционной волны взяли на себя заботу о сохранении и пополнении уже существовавших за границей русских архивов, а также выступили с инициативой создания новых архивов, отражающих события отечественной истории Новейшего времени, включая историю и культуру эмиграции и советской России. Главными центрами архивного строительства в российском зарубежье стали Прага, Париж и Берлин, где возникли крупные общественные структуры по сбору и хранению историко-документальных материалов. Архивы эмигрантских организаций и частных лиц формировались практически по всему миру, в том числе в большинстве европейских стран, на Дальнем Востоке, в США и Канаде. Часть из них в 1930–1940 гг. была передана владельцами в состав РЗИА и других архивных центров. К концу 1930-х годов за пределами СССР российские эмигранты создали 14 музеев и 10 архивов [9, с. 290], значительная часть которых после войны переместилась в США.

В послевоенные годы архивное дело в российском зарубежье продолжало развиваться, главным образом, на Североамериканском континенте. Лидерами историко-культурного движения в США в 1930–1950-е годы стали организации военной и военно-морской эмиграции первой волны. Например, с 1943 г. при Обществе офицеров российского императорского флота в Америке действовала Морская историческая комиссия, собирались библиотека, архив и музей [15, с. 74]. В 1948 г. была создана Общеказачья станица им. атамана Каледина в Монреале, при которой продолжался сбор материала по истории казачества в эмиграции.

Архивные структуры зарубежной России, в том числе находившиеся под покровительством властей стран размещения, создавались и развивались в условиях минимального финансового обеспечения, что не могло не сказываться на их деятельности (нехватка помещения, оборудования и т.п.). В большинстве случаев, работа архивов поддерживалась за счет безвозмездного труда энтузиастов историко-культурного движения – сотрудников и корреспондентов эмигрантских архивов. В большинстве своем они не имели никакого официального юридического статуса, а иногда являлись общественными организациями; переход под юрисдикцию иностранных государственных ведомств неизбежно приводил к потере ими самостоятельности в научно-организационной сфере.

Архивные собрания, такие, как РЗИА, Русский социал-демократический архив в Берлине и ряд других, уже в 1920–1930-е годы обладали значительной информационной ценностью не только для представителей российской эмиграции, но и для иностранных ученых, и государственных структур.

Материалы, собранные деятелями российского зарубежья, вызвали особый интерес у правительств и спецслужб СССР, Франции, Польши, Германии.

Деятельность эмигрантских архивов, как и других историко-культурных центров российского зарубежья, в значительной степени зависела от политики иностранных государств в отношении эмиграции и СССР. Так, в свое время РЗИА «столкнулся с прямым запрещением польского Министерства иностранных дел в вопросе о вывозе из Варшавы в Прагу архива Русского попечительного комитета в Польше»¹¹. В то же время деятельную помощь архиву оказало посольство ЧСР в Париже. В Отчете РЗИА за 1935 г. говорится, что «кроме ряда мелких пересылок посольство очень внимательно и охотно переслало два таких крупных собрания, как архив генерала Деникина и собрание документов Н.М. Мельникова»¹². В центре военно-политического противостояния мировых держав оказался, как было показано выше, и Русский социал-демократический архив в Берлине.

В 1940–1950-е годы финансовые и организационные возможности российской эмиграции в области сбора и хранения исторических памятников значительно сократились, а интерес иностранной советологии и политических структур к историко-культурному наследию эмиграции наоборот возрастал. В этих условиях многие эмигрантские архивы, музеи и библиотеки передавали свои собрания в иностранные хранилища. Позднее туда поступали личные архивы политической эмиграции 1950–1980-х годов, различные документы, вывезенные из СССР, советская пресса и другая печатная продукция.

Россика в собраниях иностранных архивов, библиотек, научных центров стала одной из наиболее ценных частей историко-культурного наследия российской эмиграции в мире [14]. Формирование этих собраний в значительной степени было заслугой самих российских эмигрантов, хотя русская книга и документальные собрания по российской проблематике были представлены в иностранных хранилищах и в дореволюционный период. В частности, ими обладали научные и культурные центры США – Библиотека Конгресса, Вейнеровская библиотека в Гарварде, Гуверовский институт, Колумбийский университет, Нью-Йоркская публичная библиотека, в Европе – Британский музей, Национальная библиотека в Париже, университетская библиотека в Хельсинки, Прусская и Баварская государственные библиотеки, расположенные в Берлине и Мюнхене. В межвоенный период собрания источников и литературы, предназначенные для работы студентов и профессорско-преподавательского персонала, специализирующихся на изучении России,

11. ГАРФ Ф.Р-7030. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

12. Там же.

формировались библиотекой Института славянских исследований и Школой живых восточных языков в Париже, библиотекой Института восточной Европы в Бреслау и др. Довольно крупные сегменты историко-документального наследия российской эмиграции вошли в состав архивов стран Центральной и Восточной Европы, прежде всего Чехословакии. В частности, сотрудниками Архива Академии наук Чехии и Литературного архива Музея национальной культуры было выявлено 84 архивных фонда соответствующей тематики, хранящихся в 16 чешских архивах.

После Второй мировой войны главный центр архивного дела российской заграницы переместился в Соединенные Штаты Америки. В 1950–1970 гг. правительство США оказывало архивному строительству российской эмиграции определенную поддержку, что диктовалось не только интересами американской исторической науки, но и задачами развития советологии (русистики), теоретически обосновывавшей американскую внешнюю политику в отношении СССР. Финансовые и организационные ресурсы российской интеллигенции в Америке не позволяли создавать собственные центры хранения и изучения архивных материалов. В результате наиболее ценные историко-документальные комплексы российского происхождения постепенно были включены в состав архивов американских университетов и научных центров, при этом участие в их деятельности представителей эмиграции существенно сократилось.

Документы, связанные с российской эмиграцией, получали в дар и приобретали Национальный архив США, Библиотека Конгресса, Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете, созданный в 1951 г., библиотека Гуверовского института войны, революции и мира, библиотека Гарвардского и других университетов США. В частности, «Белградский комитет по увековечению памяти главнокомандующего Русской армией генерал-майора П.Н. Врангеля» передал Стэнфордскому университету архив, составлявший свыше 100 единиц хранения.

Архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете был создан по инициативе и на средства бывшего полномочного посла Временного правительства в США Б.А. Бахметьева. Архив собирал и собирает прежде всего документальные и печатные материалы по истории России и стран Восточной Европы с древнейших времен до наших дней. Его фонды (их более 1000) росли за счет получения материалов в дар или передачи на временное хранение. Среди его фондообразователей – А.Н. Радищев, А.А. Бестужев, С.Ю. Витте, А.И. Деникин, М.А. Алданов и многие другие. В архиве имеется коллекция писем императора Александра II, собрание писем П.Л. Лаврова. Официально архив был открыт в 1915 г., а в 1975 г. ему было присвоено имя Б.А. Бахметьева. В течение 26 лет (до 1977 г.) пост заведующего архивом занимал Л.Ф. Магеровский, бывший

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

директор РЗИА, считавший свою работу продолжением исключительно важной культурной миссии по собиранию наследия российского зарубежья. При архиве по образцу, действовавшему ранее в РЗИА, был создан попечительский комитет, в который вошли ведущие представители русской науки и культуры в США: профессор М.М. Карпович (председатель), А.Л. Толстая, М.А. Алданов, Б.И. Николаевский, а также проживавшие в Париже И.А. Бунин и В.А. Маклаков. Благодаря участию последних увеличивались возможности получения архивом материалов из российского зарубежья в Европе. К концу 1977 г. усилиями Магеровского и его единомышленников архив сосредоточил около 2 млн единиц хранения (около 600 фондов), содержащих уникальные документы по истории зарубежной России. В 1977 г. руководство университета в одностороннем порядке отстранило Магеровского и попечительский комитет от участия в работе архива, несмотря на протесты эмигрантских организаций, включая Конгресс русских американцев [3, с. 137]. Однако собрание Бахметьевского архива продолжало пополняться и к середине 1990-х годов насчитывало уже около 1000 фондов [12, с. 24].

В формировании зарубежной архивной россики принимали участие российские эмигранты разных волн и поколений. Так, в библиотеку Колумбийского университета был передан на хранение архив Русской освободительной армии (РОА), созданный в 1956 г. сотрудником библиотеки – бывшим советским офицером М.В. Шатовым.

Собрание россики в библиотеке Гуверовского института к середине 1980-х годов состояло из более 400 тыс. томов книг и брошюр, коллекции личных фондов и отдельных деятелей дореволюционной России и эмиграции, таких, как А.Ф. Керенский, Л.Г. Корнилов, Г.Е. Львов, В.Н. Коковцов и многих других.

Документы и фотографии из семейных и творческих архивов российских эмигрантов, проживавших в США, распределялись по хранилищам в значительной степени случайно, в зависимости от места жительства последнего владельца или его личных связей с русско-американскими научными кругами. Так, ценные материалы по истории российской колонии в США, включая эпоху «холодной войны», находятся в архиве-фонде библиотеки Джорджтаунского университета в Вашингтоне. В отделе рукописей и архивов Йельского университета в Нью-Хевене хранятся материалы Н.Н. Берберовой, И.И. Петрункевича, Ф.А. Степуна, А.Ф. Керенского, эмигрантских организаций во Франции, рукописи Е.К. Брешко-Брешковской, 11 тыс. томов материалов по истории российского зарубежья из архива «Нового журнала». Значительное число российских эмигрантских периодических изданий 1920–1950 гг. включает в себя коллекция Гавайского университета. Русские отделения имеются в большинстве библиотек крупных городов США: Чикаго, Филадельфии, Бостона, Детройта, Огайо и др. [11, с. 148].

В 1990–2000-е годы осуществляется микрофильмирование эмигрантских архивов и перевод их на электронные носители с передачей копий в профильные архивохранилища. Этот процесс был связан с ростом интереса, прежде всего российской научной общественности к наследию зарубежной России, к изучению ее истории и культуры по первоисточникам. С другой стороны, в конце XX – начале XXI в. сложилась достаточно тревожная ситуация с сохранностью общественных и частных архивных собраний российского зарубежья, что дополнительно привлекает к ним внимание культурных сил России, зарубежных соотечественников и иностранных ученых-русистов.

В 2001 г. группой российских и русско-американских ученых был произведен разбор архива Русской академической группы в США, хранившегося в доме вице-президента РАГ в США Е.Л. Магеровского в г. Кинелон (штат Нью-Джерси) и представлявшего собой коллекцию рукописей, отчетов, писем, бюллетеней, протоколов заседаний за 1947–2001 гг. (всего свыше 5 тыс. документов) [17]. В частности, в данное собрание вошли письма Б.А. Бахметьева, Н.Д. Лобанова-Ростовского, Г.А. Новицкого, Т. Багратион-Мухранского, В.В. Леонтьева, П.А. Сорокина, А.Л. Толстой, С.А. Паниной, М.М. Карповича, В.В. Зеньковского, Н.М. Зернова, И.И. Сикорского, В.В. Сергиевского, Ф.А. Степуна и др.

Современные российские ученые прилагают значительные усилия к включению зарубежной россики в орбиту исследований российского зарубежья. Так, профессор Т.В. Таболина отмечает: «Особый интерес у российских и зарубежных исследователей вызывали и вызывают архивные хранилища и библиотеки, контролируемые русскими и казачьими организациями. Ученые из бывшего Советского Союза практически не имели возможности систематически работать здесь; не всегда могли здесь вести исследования и американские ученые. У меня появилась возможность знакомства с подобными материалами. Поэтому постаралась просмотреть как можно больше коллекций одного из самых больших русских собраний в США, которое включает в себя Музей русской культуры, библиотеку, архив» [16, с. 7]. Значительная часть эмигрантских библиотек и архивных собраний пополнила фонды российских хранилищ – РГАЛИ, ГАРФ, РГБ, научный архив МГУ им. М.В. Ломоносова, что существенно упрощает доступ отечественных исследователей к данным материалам. Передача архивов и библиотек российского зарубежья на родину является закономерным результатом историко-культурной деятельности нескольких поколений российской эмиграции.

Что касается освоения информации, содержащейся в документах иностранных архивов, то в последние десятилетия в этих целях вырабатываются механизмы международного научного взаимодействия, обеспечивающего информационное воссоединение историко-культурного наследия метрополии и диаспоры. Расширяется закупка документов зарубежной архивной

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

россики, обмен копиями документов с зарубежными архивами, библиотеками, частными лицами, создается единое информационное пространство в сфере источников по истории российского зарубежья.

Примечательно, что аналогичные подходы были использованы для введения в научный оборот документальных материалов Музея русской культуры в Сан-Франциско, большинство которых до последнего времени были труднодоступными из-за организационных и технических проблем. Значительная часть его газетно-журнального собрания была микрофильмирована еще в 1980-х годах по совместному проекту Музея с Библиотекой Калифорнийского университета. В 1999–2001 гг. Гуверовский институт осуществил совместно с Музеем, по гранту Национального фонда развития гуманитарных наук (США), широкий проект по обработке и микрофильмированию наиболее важных его коллекций, в число которых вошли ценные фонды, ставшие таким образом тоже доступными для пользователей в читальном зале Гуверовского архива. В частности, в его научно-информационное пространство вошли архивы различных эмигрантских организаций: Русско-американского исторического общества (1937–1948), Русской православной миссии в Пекине (отчеты и корреспонденции за 1925–1945 гг.), Русского студенческого общества при Калифорнийском университете в Беркли (в его фонде находятся материалы по истории КВЖД, Амурского казачьего войска, революции и Гражданской войны – шесть архивных ящиков), Общества «Витязи» с документами по скаутскому движению, Высшего монархического союза, Ассоциации русских рабочих (1952–1957), Общества защиты русских детей (1926–1969), Объединения русских шоферов (около 100 документов за 1926–1943 гг.), Общества юристов (семь папок за 1941–1949 гг.) и других эмигрантских союзов.

Коллекции зарубежной архивной россики в настоящий момент остаются в значительной степени не освоенным резервуаром уникальной информации об истории и культуре российской эмиграции. При этом сам факт наличия данных собраний в иностранных архивах, библиотеках, научных центрах свидетельствует о растущем цивилизационном влиянии российского зарубежья в мире, об увеличении интереса к ним со стороны и российских, и иностранных специалистов.

Как уже отмечалось выше, структуры православной зарубежной церкви являются центрами собирания исторических реликвий, архивных документов и библиотек. Это особенно характерно для Русской Америки, где находятся крупные собрания документов и книг, сложившиеся еще в дореволюционное время и дополненные впоследствии материалами российской эмиграции. В частности, в архив Управления РПЦ в Америке, хранящийся в помещении при церкви в Сайсете (штат Нью-Йорк), епископ Василий Родзянко передал сотни магнитофонных записей, сделанных им во время работы на Би-би-си

в Англии. В 1930 г. был основан Русский монастырь в Джорданвилле (штат Нью-Йорк), который стал одним из ведущих центров собирания и хранения российского культурного наследия в современной Америке. В 1950 г. в Нью-Йорке был создан Свято-Серафимовский фонд, ставший впоследствии одной из наиболее авторитетных просветительных организаций Русской Америки во второй половине XX в.

После подписания 17 мая 2007 г. Акта о каноническом общении между РПЦ (Московским Патриархатом) и Русской православной церковью заграничной возможности участия церковных структур в историко-культурном процессе и в России, и в мире зарубежных соотечественников значительно расширились.

Между тем наибольшая активность российского эмигрантского архивно-строительства в зарубежной России приходится на 1920–1930-е годы, когда российская диаспора располагала богатыми документальными собраниями и проявляла научную и творческую активность. Уникальный комплекс архивов формировался в процессе деятельности институциональных структур зарубежной России. В системе экстерриториальной государственности, которую воссоздавала за рубежом в 1920–1930-е годы российская эмиграция, роль государственного архива и книжной палаты выполнял Русский зарубежный исторический архив.

Литература

1. Брежго Б.Р. Русские музеи и архивы вне России. – Даугава, 1932. – 17 с.
2. Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в. – Омск, 2001. – 358 с.
3. Воробьева О.В. Русская Америка в XX веке. Историко-культурный аспект. – М., 2014. – 202 с.
4. Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. – Архангельск; Мурманск, 2005. – 614 с.
5. Йиржи Вацек. Фонды Русского зарубежья в пражской Славянской библиотеке // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сборник статей. – СПб., 2000. – 445 с.
6. Крылов В.В. Его страстью был архивизм (о Б.И. Николаевском) // Отечественные архивы. – 1995. – № 3.
7. Махаткова Р. Помощь российской эмиграции в Чехословакии и русские материалы в коллекциях Центрального государственного архива Праги // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сборник статей. – СПб., 2000. – 445 с.
8. Муромцева Л.П. Архивные и музейные собрания украинской эмиграции в межвоенной Чехословакии // И.С. Шмелев в контексте славянской культуры. Сб. материалов. – Алушта, 1999. – 211 с.
9. Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге и генерал Н.Н. Головин // Россия в США. Сб. статей. (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. VII.) – М., 2001. – 352 с.
10. Парчевский К.К. По русским углам. – М., 2002. – 220 с.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

11. Петров Е.В. Архивная россика в США в первой половине XX века // Россика в США. Сборник статей...
12. Попов А.В. Россика в негосударственных хранилищах США // Отечественные архивы. – 1996. – № 2.
13. Ребиков Н. Дневник капитана 7-й гаубичной батареи Дроздовской артиллерийской бригады // Русская армия на чужбине. Галлиполийская эпопея. – М., 2003. – 464 с.
14. Сабенникова И.В., Гентшке В.Л. Зарубежная архивная Россика: География размещения, выявление, публикация источников. – М., 2014. – 408 с.
15. Соколова Е.И. Музей Общества офицеров российского императорского флота в Америке // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 4.
16. Таболина Т.В. Русское зарубежье в Калифорнии: Музей русской культуры в Сан-Франциско и Гуверовский архив в Стэндфордском университете. – М., 2004. – 462 с.
17. Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). – М., 2010. – 640 с.
18. Ульяницкий К.Б. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира в ГАРФ // Россика в США. Сб. статей. (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. VII) – М., 2001. – 352 с.
19. Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель / Предисловие Т.В. Павловой. – М., 1999. – 671 с.
20. «Часовой» – ежемесячный журнал – орган связи русского воинства за рубежом. – Париж, Брюссель. 1929–1988.